

На правах рукописи

Сафина Элина Фаилевна

**СЕМАНТИКА ЭМОТИВОВ ПЕЧАЛИ
В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Уфа – 2012

Работа выполнена на кафедре английского языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет»

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор
Шафиков Сагит Гайлиевич

Официальные оппоненты

доктор филологических наук, профессор
Гатауллин Равиль Гибатович

доктор филологических наук, профессор
Мерзлякова Альфия Хамитовна

Ведущая организация

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Уфимский
юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Защита состоится «24» февраля 2012 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.013.12 по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Башкирском государственном университете по адресу: 450076, г. Уфа, ул. Коммунистическая, 19, ауд. 31.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Автореферат разослан «20» января 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Чанышева З.З.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Интерес к типологическому изучению языков в мире только растет. Цель каждого контрастивного исследования состоит в выделении не только универсальных языковых средств описания картины мира, но и специфических, которые отображают особенности национальной картины мира. В настоящей работе делается попытка установить общие и индивидуальные признаки в эквивалентных семантических полях, объединенных общей темой ПЕЧАЛЬ, в английском, немецком и русском языках. Сравнительное исследование эмотивов печали позволяет установить общие и специфические свойства лексико-семантических систем языков сравнения.

Эмоциональная сторона человеческого бытия всегда вызывала интерес у исследователей самых различных областей знания, в том числе у лингвистов. В настоящее время появляется все больше работ, посвященных изучению эмотивов. Среди публикаций следует назвать труды И.А. Волостных, Л.А. Калимуллиной, Н.А. Красавского, М.В. Маркиной, И.Ю. Никишиной, К.О. Погосовой, Д.В. Сергеевой, В.И. Шаховского и др.

Эмоции не существуют в «чистом виде», следовательно, в структуре значения эмотивов печали должны найти отражение самые различные виды человеческих чувств: страх, гнев, отчаяние, сожаление, тревога и др. Чувства занимают важное место в жизни человека как представителя той или иной культуры. Несомненно, эмоции представляют собой универсальный феномен, ведь «на всех широтах человек смеется, когда ему радостно, и плачет, когда грустно» [Шафиков 2007: 223], и подобные элементарные реакции генетически заложены в человеке [Сеченов 1995]. Однако нельзя не отметить, что способы их вербального и невербального оформления различаются в каждом языке, будучи продиктованными определенными социокультурными моделями, принятыми в том или ином обществе. Все сказанное объясняет интерес к изучению соответствующей лексики и определяет **актуальность** и содержание данного исследования.

Цель исследования заключается в выявлении изоморфических и алломорфических черт в эквивалентных лексических группах, объединенных общей семантической темой «печаль» в английском, немецком и русском языках.

Исследовательские задачи данной работы включают:

- установление критериев идентификации эмотивов печали в языках сравнения;
- компонентный анализ процессуальных, субстантивных и адъективных наименований печали в языках сравнения;
- сравнение результатов семантического исследования эмотивов печали с целью определения межъязыковых сходств и различий;
- установление значимых характеристик представленных наименований, т.е. темпоральных, территориальных, стилевых, оценочных и других особенностей функционирования эмотивов печали;
- исследование содержательных связей в структуре полисемантических лексических единиц и установление типичных семантических корреляций

(коинциденций) между основным и производными смыслами представленных в языках сравнения эквивалентов.

При решении поставленных задач использовались следующие **методы исследования**: описательный метод, типологический (сравнительный) метод, метод количественного анализа, метод компонентного (семного) анализа в сочетании с полевым методом.

Теоретической базой настоящего исследования являются основные положения философской и психологической теорий эмоций (Платон, Аристотель, Р. Декарт, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Н.А. Бердяев, К. Изард, С. Томкинс, П. Экман и др.), идеи, изложенные в работах по лингвистике эмоций (И.В. Арнольд, Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильев, А. Вежбицкая, Н.А. Красавский, В.Н. Телия, В.И. Шаховский и др.), по когнитивной и концептуальной лингвистике (Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина и др.), по теории семантического поля и методу компонентного анализа (Л.М.Васильев, П.Н. Денисов, С.А. Моисеева, С.Г. Шафиков, Г.С. Щур и др.)

Объектом исследования служат процессуальные, субстантивные и адъективные наименования печали, выделенные из толковых словарей методом фронтального анализа. Объем проанализированного **материала** составил 282 единицы в английском языке, 269 единиц в немецком языке и 226 единиц в русском языке. **Предметом исследования** являются языковые значения эмотивов печали.

Научная новизна работы заключается: 1) в комплексном контрастивном исследовании семантического поля «печаль», которое еще не было объектом такого масштабного изучения на материале трех разноструктурных и генетически далеких друг от друга языков, 2) в интегрировании методов семантического поля, компонентного и прототипического подходов при семантическом анализе лексических единиц английского, немецкого и русского языков.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты дают возможность расширить границы исследования эмотивности в языке. Отдельные идеи могут быть использованы при комплексном изучении различных видов эмоциональных концептов. Результаты работы также представляют собой вклад в разработку будущей лексико-семантической типологии языков с учетом материала эмотивной лексики.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения полученных результатов в теории и практике вузовского преподавания: при разработке и чтении курсов лекций по лексикологии и спецкурса по сравнительной типологии языков, а также в лексикографии для уточнения словарных дефиниций при составлении словарных статей, связанных с толкованием слов, обозначающих печаль.

В результате проводимого исследования сформулированы **выводы, выносимые на защиту в виде следующих положений**:

1. Концепт ПЕЧАЛЬ как один из основных концептов картины мира имеет сложную структуру. Синтез психо-философских данных, а также данных

толковых словарей позволяет выявить понятийную категорию, которая является стержнем единства компонентов концепта ПЕЧАЛЬ.

2. Изучение семантики эмотивов печали должно основываться на интеграции теории семантических полей и метода компонентного анализа структуры их единиц.

3. Эталонное семантическое поле «печаль» является комплексным по своему характеру и имеет иерархическую структуру.

4. Семантическое поле «печаль» не имеет жестких границ, что объясняется расплывчатостью семантики эмотивов. В структуре значения эмотивов печали находят отражение множество видов человеческих чувств, как сходных, так и различных по содержанию.

5. Языки сравнения демонстрируют как сходства, так и различия в актуализации интегральных и дифференциальных сем.

6. Значительное число эмотивов печали в языках сравнения являются полисемантическими. Между значениями представленных полисемантов можно выделить как импликационные, так и классификационные содержательные связи

Материалы и результаты диссертационного исследования прошли **апробацию** на заседаниях кафедры английского языка ФРГФ БашГУ (2009 – 2011 гг.), а также на международной научно-практической конференции (Уфа, 2009), на региональной научно-практической конференции, посвященной Году Учителя и Республики Башкортостан (Уфа, 2010), всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Уфа, 2010). Основные положения и результаты исследования изложены в 8 публикациях.

Структура работы определяется поставленными в ней задачами и логикой анализа лексического материала. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы, списка лексикографических источников и приложения, который содержит результаты анализа языковых значимостей в языках сравнения в виде таблиц.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, научная новизна, формулируются цели и вытекающие из нее задачи, описывается методологическая база, определяются предмет и объект исследования, характеризуется материал и методы его исследования, указываются теоретическая значимость и практическая ценность работы, а также формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «*Многоаспектная природа эмоций*» рассматривается вопрос о природе эмоций в философии, а также анализируются основные подходы к исследованию эмоций в современной психологии.

Обзор истории учения об эмоциях позволяет заметить, что вопрос определения их сущности с древнейших времен волновал представителей самых различных научных дисциплин, начиная с психологии и медицины и заканчивая социологией и литературоведением. Несомненно, важное место в этом ряду отводится философии как «науке всех наук». В рамках философской науки

предпринимаются первые попытки исследования эмоций с различных позиций (физиологической, психологической, социальной, культурной). В первую очередь в трудах великих мыслителей подчеркивается организующая роль эмоциональных явлений (Платон, Аристотель, Гегель и др.), их связь с процессами жизнедеятельности организма, а также отражение на физиологии и психологии человека (Декарт, Спиноза, Кант и т.д.). Большое внимание уделяется триаде «мышление – эмоция – воля». Несмотря на то, что разум и воля многими признаются определяющими в регуляции поведения, не преуменьшается значимость чувств в этом сложном процессе.

Именно философам принадлежат первые классификации эмоциональных состояний по различным основаниям: по физическим показателям (у Канта на основании телесных переживаний – стенические/астенические), по знаку (у Спинозы, Канта – удовольствие/неудовольствие; у Аквинского – по отношению к добру/по отношению к злу), по форме (у Гегеля – чувства, возникающие при соответствии бытия и долженствования/чувства, происходящие из созерцания/чувства, возникающие из морального, религиозного содержания; у Канта – чувство/аффект/страсть).

Философские воззрения на сущность и природу душевных переживаний легли в основу ряда психологических теорий эмоций, а также способствовали развитию отдельных направлений в рамках данной дисциплины. Если философия выдвинула разрозненные взгляды по вопросу сущности эмоций, то психология попыталась полученные данные систематизировать. Однако многое в учении об эмоциях представляет собой скорее отдельные аспекты одной проблемы. Так, до сих пор нет единого мнения о природе эмоций и механизмах их возникновения, отсутствует общепринятая классификация и точные методы исследования эмоциональных явлений, неупорядочен понятийно-терминологический аппарат. Вместе с тем нельзя не учитывать, что по ряду положений взгляды психологов совпадают. Среди них можно отметить следующие: эмоции выполняют организующее и мотивирующее влияние на поведение человека, имеют двойственный психофизиологический характер, в сознании представлены в форме непосредственных переживаний, связаны с удовлетворением потребностей человека, являются результатом эволюционно-биологических процессов и в зависимости от общественно-исторических и иных условий подвергаются изменениям.

Большинство предлагаемых классификаций не являются общепризнанными и представляют собой скорее субъективный взгляд на сущность эмоций (см. работы Б.И. Додонова, А.Н. Лук, П. Экман, Р. Плутчик, П.В. Симонова, П.К. Анохина, А.Г. Маклакова, С. Izard, Р. Griffiths, S. Tomkins, R. McCarter и др.). Различные термины («чувство», «эмоция», «аффект», «настроение» и т.д.) используются для обозначения «выших» социальных чувств (*долг, справедливость, преданность*), собственно переживаний (*радость, печаль, ненависть*), а также потребностей и физического состояния человека (*голода, жажда, боль*). Однако в повседневном употреблении слово «чувство» выражает все вышеперечисленное. В связи с этим в настоящем исследовании понятия

«эмоция» и «чувство» используются как синонимы в значении «душевное переживание».

Вторая глава «*Лингвистический аспект эмоций*» посвящена особенностям репрезентации эмоций в языке. В частности, в данной главе рассматривается понятие эмотивности, ее связь с такими категориями, как коннотация, модальность и прагматика языка, а также определяется понятие эмоционального концепта, соотношение концепта с другими типами ментальных структур (категорией, понятием и значением) и способы организации лексических единиц.

Эмотивность рассматривается как категория языка, подразумевающая наличие в том или ином языке совокупности средств репрезентации эмоций, структурированной по определенному принципу. Как компонент коннотации она связана с понятиями оценочности и экспрессивности. Эти компоненты часто выступают в совокупности, поэтому можно встретить такие композитные термины, как *эмоционально-оценочный компонент*, *экспрессивно-эмоциональные моменты*, *экспрессивно-оценочный компонент* и т.д. Несмотря на тесное взаимодействие в значении слова и отсутствие четких границ определения данные элементы ни в коем случае не могут быть названы тождественными, а скорее как находящимися в комплементарных отношениях. Обобщая концепции разных авторов, можно определить, что эмотивность характеризуется способностью выражать эмоциональное отношение говорящего к предмету сообщения; оценочность предполагает выражение положительного или отрицательного отношения говорящего к предмету сообщения; экспрессивность представляет собой указание на меру, степень проявления тех или иных признаков явлений.

Эмотивность как выражение эмоционального состояния и эмоционального отношения к фактам речи является одновременным выражением модальности, а ее способность отражать субъективные смыслы, отношения говорящих и каузировать определенные ответные действия слушающих делает ее одним из важнейших компонентов прагматики языка.

Охватывая все уровни языка, эмотивность на каждом из них передается при помощи специфических средств и способов. На лексическом уровне можно выделить три основные группы слов: *аффективы*, *коннотативы*, *эмотивы-номинативы* (далее *эмотивы*), последняя из которых с функциональной точки зрения и признана нами в качестве объекта исследования.

Вербализованная эмоция представляет собой имя концепта эмоции. Эмоциональный концепт как разновидность концептов является ментальным образованием со сложной структурой. В качестве лингвокультурологической категории она содержит в себе как универсальные черты, так и культурно-маркированные, присущие определенному этносу. С одной стороны, «являясь частью естественного развития человеческой расы, эмоции универсальны и узнаваемы во всех культурах» [Шаховский 2008: 17]. Этот факт подтверждается тем, что психо-физиологическая природа и проявление эмоций одинаковы для всех людей без исключения, вне зависимости от их культурной и этнической принадлежности. С другой стороны, эмоции культурно обусловлены, они «навязываются» языковому коллективу этноса различными когнитивными

сценариями [Вежбицкая 2001: 118]. Последние определяются такими социокультурно-психологическими характеристиками конкретного сообщества людей, как традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, модели поведения и т.п., исторически складывающимися на всём протяжении развития, становления той или иной этнической общности.

Вследствие отсутствия единого понятийно-терминологического аппарата возникают сложности при разграничении понятий «концепт» и «категория», «концепт» и «понятие», «концепт» и «значение».

Дифференциация категорий и концептов является условной. Так, печаль как ментальное явление может рассматриваться и как концепт, и как категория. Данные ментальные образования отличаются по типу интенционала. Интенционал категории представляется более широким, чем интенционал концепта, включая в себя помимо диагностических признаков (необходимых и достаточных для определения объекта), также прототипические признаки (менее существенные, выражающие условия «нормы»). Концепт «печаль» представляется в виде явления, описанного словарной дефиницией: «скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство» и может ассоциироваться в русском языке с выражениями, типа *глубокая печаль, грустный голос, хранить печаль, повесить нос* и т.д. Признаки значения номинации, которая вербализует концепт «печаль», позволяет разграничить печаль от не-печали. Категория ПЕЧАЛЬ может включать разные виды печали, например, в зависимости от причин ее породивших: ср. английские глаголы *mourn, sigh for, be sorry, be sad* и т.д.

Не являются тождественными и термины *концепт* и *понятие*. Если концепты отображают фрагменты наивной картины мира и соотносятся с объектами повседневной действительности, то понятия рассматриваются как совокупность характерных признаков объекта и, как правило, связываются с научно-философскими представлениями о мире. Таким образом, данные явления рассматриваются как часть и целое.

В современной лингвистике существует необходимость различать термины *концепт* и *значение*. Оба термина используются для обозначения продукта сознательной деятельности человека. Однако концепт намного объемнее лексического значения слова, которое способно передать лишь его существенные признаки. Если значение выражается одной номинацией, то, для того чтобы выразить сложную структуру концепта, необходим анализ значений большого количества наименований. Например, концепт «печаль» среди процессуальных смыслов может быть выражен двумя значениями: «испытывать чувство печали» (рус. *печалиться*, англ. *be sad*) и «каузировать чувство печали» (рус. *опечалить*, англ. *sadden*). Более того, значения лексических единиц, как правило, контекстуально обусловлены [Болдырев 2001: 28]. Одни лингвисты в качестве контекста рассматривают внутриязыковой контекст, который выражает парадигматические и синтагматические отношения языковых знаков в структуре языковой системы. Например, слово *dark* в английском языке имеет значение «темный», но в словосочетании *dark thoughts* приобретает значение «грустный, печальный». Другие лингвисты связывают контекст с внеязыковыми факторами,

выраженными в виде определенных «моделей знания» [там же: 29]. Например, слова *depression*, *Depression* и *депрессия*, эквивалентные в английском, немецком и русском языках, в медицинской сфере имеет значение «психическая болезнь», в то время как в экономической сфере обозначают экономический спад. Таким образом, значение, будучи способным выразить лишь наиболее значимые признаки концепта, находится с ним в отношении части и целого.

В лингвистике выделяются различные способы организации лексических единиц. Традиционно анализ лексических единиц, выражающих тот или иной концепт, осуществляется с использованием метода семантического поля. Существует три основных подхода к определению структуры семантического поля: синтаксический, ономаσιологический и семасиологический.

Синтаксический подход сочетает как семантический, так и парадигматический аспект изучения лексических единиц в рамках поля. Объектом исследования выступают «словосочетания и синтаксические комплексы, основанные на “сущностных связях значений”, т.е. семантических компонентов» [Шафигов 1999: 11].

Основным для ономаσιологического подхода является объединение в рамках семантического поля лексических единиц, соотносимых с одним понятием, т.е. с «внеязыковым предметным рядом» [Кубрякова 2000: 345].

Семасиологический подход основан на исследовании семантической структуры лексических единиц, которые используются для номинации отдельных предметов и явлений действительности [Степанов 2000: 440]. Центр семантического поля образуют слова с широкой семантикой. В рамках данного подхода изучаются сложные парадигматические связи между отдельными лексемами внутри поля, а также выделяется метод компонентного анализа для описания структуры значения лексических единиц и выявления интегральных и дифференциальных компонентов их семантики [Кудинова 2008: 49].

В настоящем исследовании противопоставление ономаσιологического и семасиологического признается условным, поскольку любое типологическое исследование характеризуется сочетанием данных подходов: «семасиологическое описание языковых значений неизбежно следует за ономаσιологическим выделением объекта описания» [Шафигов 1999: 19].

В диссертационной работе полевый метод используется в сочетании с методом компонентного анализа, суть которого состоит в раскрытии семантики лексической единицы путем разложения ее значения на минимальные составляющие. Лингвисты отмечают, что в основе обоих подходов находится положение о структурной организации лексикона, семантические единицы которого взаимосвязаны и взаимообусловлены, и их интеграция приводит к уточнению основных идей каждого направления [Кузнецов 1986: 14, Шафигов 1999: 31]. На основе метода компонентного анализа семантическое поле определяется как ряд слов или их отдельных значений, связанных парадигматическими отношениями. Единицы поля объединяются общим (интегральным) семантическим признаком и различаются по меньшей мере по одному дифференциальному признаку [ЛЭС 2002].

Третья глава «Семантика эмотивов печали в английском, немецком и русском языках» посвящена компонентному анализу наименований печали, представленных в виде эквивалентных семантических полей, а также анализу языковых значимостей эмотивов печали в языках сравнения.

Вербализованная эмоция представляет собой имя соответствующего концепта. Толкование понятия «печаль» как чувства и источника соответствующего чувства определяет общее основание для выделения лексических единиц, выражающих соответствующий концепт. Печаль толкуется как отрицательное эмоциональное состояние, чувство грусти, скорби, душевной горечи и боли, которое испытывает субъект, или то, что влечет за собой подобное состояние.

Семантическое поле «печаль» не имеет жестких границ, что объясняется расплывчатостью семантики эмотивов. В структуре значения эмотивов печали находят отражение множество видов чувств (концептов), которые характеризуются частичным наложением, а также многообразием концептуальных связей и взаимодействий. Так, концепт «печаль» находится в отношениях включения и пересечения с концептами «безнадежность», «гнев», «одиночество», «потрясение», «разочарование», «тревога» и т.д. Их связь прослеживается в дефинициях, в частности в дефинициях глаголов, выражающих соответствующие понятия: *to desolate* “to make someone feel very sad and lonely” («одиночество»), *to devastate* “to make someone feel extremely shocked and sad” («потрясение»), *to dismay* “to make someone feel worried, disappointed, and sad” («тревога», «разочарование») [Longman] и др.

В языках сравнения выделяются два способа представления сем в структуре наименования: представление диагностического (общего) признака, указывающего на ПЕЧАЛЬ, и представление типического (характерного) признака, обозначающего, как правило, причину печали, ее длительность, интенсивность, внешнее выражение, последствия и т.д. Типические признаки в целом соответствуют дифференциальным семам, позволяя расширить представление об объекте номинации. В качестве типической причины печали чаще всего указывается неприятное событие (англ. *sad*), который может включать в себя утрату (рус. *скорбь*, англ. *wistful, broken-hearted*), разрыв романтических отношений (англ. *break heart*), любовные переживания (рус. *сухота*), несправедливость (англ. *sore*), несбывшиеся ожидания (англ. *disgruntled*), попадание в ловушку (англ. *stir-crazy*), чужое горе (нем. *jämmerlich*), плохие новости (англ. *take hard*), а также страдание (англ. *tragic*), психическое расстройство (англ. *melancholia, melancholic*) и т.д. В качестве типического признака отмечены также каузатор печали (англ. *hurt*), интенсивность переживаемой эмоции (нем. *Trauer*), длительность данного состояния (нем. *Gejammer/Gejammere*), последствия печали (нем. *jemandem das Herz zerreißen*), а также жестикуляция как сопровождающий признак при выражении печали (нем. *Klage*).

Сложные семантические отношения между лексическими единицами и несовершенство словарных данных затрудняют идентификацию эмотивов печали исходя только из принятого определения данного концепта. Необходимо

определить критерии отбора номинаций исходя из дефиниций лексических единиц. Так, наименование исключается из рассмотрения в случае, если в определении интегрирующий для семантического поля «печаль» признак является типическим, а также если в определении отсутствует указание на чувство печали и содержится лишь указание на смежные с ней категории «отрицательное эмоциональное состояние», «сожаление», «одиночество», «малодушие».

Эталонное семантическое поле «печаль» является комплексным по своему характеру и включает в себя процессуальные смыслы, субстантивные смыслы и адъективные смыслы. Поле процессуальных смыслов включает 2 субполя: 1) «печаль субъекта состояния» и 2) «печаль объекта каузации». Поле субстантивных смыслов включает 5 субполей: 1) «чувство печали», 2) «состояние печали», 3) «процесс печали», 4) «субъект печали» и 5) «каузатор печали». Поле адъективных смыслов включает в себя 3 субполя: 1) «чувство печали», 2) «каузация печали», 3) «выражение печали».

Одна и та же оппозиция дифференциальных сем часто встречается в семантически смежных субполях: например, сема «интенсивность переживаемой эмоции» встречается в субполях «печаль субъекта состояния», «печаль объекта каузации», «чувство печали», «состояние печали», «каузация печали», «выражение печали». Потенциально возможная жесткая оппозиция почти никогда не реализуется внутри субполя за счет нейтрализации маркированного члена: например, сема «мотив печали» = СК «корысть»: СК « \emptyset ». Наблюдается стремление к интегрированию смежных значений в рамках одного наименования. Например, эмотивы печали могут обозначать одновременно как состояние печали, так и фазу данного состояния (рус. *унывать* «становиться, быть унылым, впадать в уныние» [Кузнецов]), каузацию печали (англ. *get into a mood/state* “to become upset or make someone upset” [Longman]) или ее внешнее выражение (нем. *traurig* “Traurig empfindend, ausdrückend” [Duden]).

Дифференциальные семы варьируются по различным признакам: 1) по соотношению числа сем и семантических компонентов, 2) по статусу, 3) по продуктивности, 4) по значимости. Соотношение числа сем и семантических компонентов составляет соответственно 18 и 62. Таким образом, 3.4 есть среднее число вариантов одной семы. Статусом, то есть способностью функционировать в качестве интегральных сем, обладают следующие семантические признаки: «субъект печали», «каузация», «чувство», «состояние», «процесс», «выражение», «каузатор печали» (всего 7). Наибольшей продуктивностью, определяемой по количеству компонентов, представленных одной семой, обладает сема «сопутствующее печали чувство» (20 семантических компонентов): «безнадежность», «беспомощность», «гнев», «задумчивость», «малодушие», «ненависть», «нервозность», «одиночество», «потрясение», «пустота», «разочарование», «растерянность», «серьезность», «скука», «смущение», «сожаление», «страх», «стыд», «тревога», «усталость». Высокая значимость (встречаемость в составе семем разных субполей) характеризует большинство дифференциальных сем (11 из 18). По степени убывания значимости семы можно расположить следующим образом: 1) сема «интенсивность переживаемой

эмоции» (10 субполей), 2) сема «сопутствующее чувство» (9 субполей), 3) сема «причина печали» (8 субполей), 4) сема «внешнее выражение печали» (5 субполей), 6) сема «последствия переживаемого состояния» (4 субполя), 7) семы «прогрессивность переживаемого состояния», «каузация», «тип субъекта», сема «одушевленный субъект (человек)», «неодушевленный субъект» (2 субполя). Одним субполем представлены лишь следующие семы: «фаза состояния печали», «определенность времени состояния печали», «длительность переживаемого состояния», «ритуальное сопровождение состояния печали», «мотив печали», «мимическое выражение» и «фонационное выражение» (всего 7).

Среди представленных лексических единиц встречаются полисеманты, выражающие концепты «чувство печали» и «каузация печали»: например, нем. *traurig* (1): *traurig* (2); «процесс печали» и «чувство печали»: например, рус. *сокрушение* (1): *сокрушение* (2); «чувство печали» и «каузатор печали»: например, рус. *горе* (1): *горе* (2), англ. *sorrow* (1): *sorrow* (2); «состояние печали» и «каузатор печали»: например, нем. *Traurigkeit* (1): *Traurigkeit* (2) и т.д.

В представленных языках определились как сходства, так и различия при обозначении чувства печали. В английском языке наблюдается тенденция к раскрытию содержания понятия «печаль» как сложного эмоционального состояния, которое возникает при определенных обстоятельствах. Детализация значения эмотивов печали осуществляется за счет большого числа дифференциальных сем, указывающих на причины возникновения печали (например, *gloomy* “sad because you think the situation will not improve”, *languor* “a feeling of sadness because you want someone or something very much” [Longman]) или обозначающих спектр чувств, сопровождающих печаль (например, *aggrieved* “angry and sad because you think you have been unfairly treated”, *disconsolate* “extremely sad and hopeless”, *desolate* “someone who is desolate feels very sad and lonely” [Longman]). В русском же языке делается акцент на самом процессе переживания и выделяются различные фазы протекания эмоции, ее продолжительность, время (ср. *горевать*, *загоревать*, *нагореваться*, *отгоревать*, *погоревать*). Немецкий язык занимает промежуточное положение: здесь наблюдается как тенденция к детализации в описании комплексной структуры эмотивов (например, *Leid* “tiefer seelischer Schmerz als Folge erfahrenen Unglücks” или *Kummer* “Betrübnis über ein schweres Geschick, das eigene Leid” [Duden]), так и стремление показать различные оттенки состояния печали, которое достигается разнообразием префиксов, так же как и в русском языке (ср. *jammern/ausjammern/ nachjammern*, *trauern/ nachtrauern*, *schluchzen/ aufschluchzen*).

Языки варьируются по способу представления семантического признака (семы) в структуре номинации. В русском и немецком языках семы характеризуются большей степенью открытости, чем в английском языке; при этом об открытости семантического признака можно говорить в том случае, когда он «имеет свое особое звуковое выражение в том или ином знаке» [Кузнецов 1980: 18]. Так, в значении русского наименования *помрачнеть* сема «начальная фаза» (состояния печали) выражается префиксом *по-*.

Сходство проявляется также в общем количестве лексических репрезентантов каждого языка: в английском языке 282 наименования, в

немецком языке – 269, в русском языке – 226. Список интегральных и дифференциальных сем является эталонным; при этом список интегральных сем выступает как межъязыковой инвариант, а из эталонного списка дифференциальных сем каждый язык выбирает свой вариант. По мере удаления от эталона языки сравнения можно расположить следующим образом: английский язык – немецкий язык – русский язык. Из эталонного числа семем в языках сравнения (174) реализуется следующее число семем: в английском языке – 115, в немецком языке – 78, в русском языке – 56.

Анализ значимостных характеристик эмотивов позволил выделить следующие виды: 1) *парадигматические значимости*, обусловленные связью языковых единиц с определенными парадигмами; 2) *синтагматические значимости*, обусловленные связью языковых единиц с определенными синтагмами; 3) *частеречные значимости*, обусловленные соотношенностью лексических единиц с той или иной частью речи; 4) *темпоральные значимости*, обусловленные противопоставлением редких слов и неологизмов, с одной стороны, и нейтральной лексики, с другой; 5) *стилевые значимости*, обусловленные сферой употребления лексических единиц; 6) *территориальные значимости*, которые определяются статусом номинации в территориальном варианте языка, и 7) *оценочные значимости*, указывающие на соответствие или несоответствие предмета интересам и вкусам индивида, а также социально установленным нормам [Сергеева 1991: 15] (*бранное, ироничное, пренебрежительное, шутливое* и др.).

Парадигматические значимости представляют собой сложную систему характеристик, связанных с асимметричностью языкового знака. Эмотивы печали представляют собой полисемантические единицы, в структурах которых можно установить различные виды содержательных связей. Например, в русском языке одно из значений слова *убиваться* «сильно страдать, горевать, переживать» является производным от значения «разбиться насмерть» [Кузнецов]. В английском языке значение номинации *desolate* «чувствовать себя грустным и одиноким» происходит от значения «пустой и печальный, вследствие отсутствия людей и активной деятельности» [Longman]. В немецком языке значение «тот, кто пребывает в грустном настроении» лексем *Elegiker/Elegikerin* указывает на производность от значения «автор элегий», т.е. стихотворений с оттенком грусти [Duden]. Более подробно семантические связи в структуре полисемантов рассматриваются в четвертой главе. Значительное число эмотивов печали в языках сравнения являются многозначными. В английском языке таковыми являются 152 наименования (53,9 %), в русском языке – 95 наименований (42 %) и в немецком языке – 85 наименований (31,6 %).

Синтагматические значимости указывают на особенности употребления лексических единиц в речи, например в определенных типах высказывания. Многие процессуальные наименования русского языка употребляются в безличных конструкциях, например, *взгрустнуться* (*Мне сегодня взгрустнулось*), *защемить* (*Защемило в груди*) [Кузнецов]. Некоторые лексемы встречаются преимущественно в отрицательных предложениях, например, рус. *унывать* (*Дела его плохи, но он не унывает*) [Ушаков], нем. *verdrießen* (*Ich lasse es mich nicht*

verdrießen) [Duden], а другие в пассивных конструкциях. Последняя модель более типична для английского языка: *crush* (*Sara was crushed by their insults*) [Longman]. Некоторые наименования, которые характеризуются неполной парадигмой, употребляются только в одной грамматической форме. Так, русская номинация *приунуть* не имеет формы настоящего и будущего времени, а английская номинация *regret* не употребляется в форме *progressive*.

Многие субстантивные наименования используются только в форме единственного числа (рус. *грусть, сокрушение*, англ. *downer, shock*; нем. *Traurigkeit, Trübsinn*), только в форме множественного числа (рус. *горесть*), часто употребляются во множественном числе (нем. *Kummerfalte*) или редко употребляются во множественном числе (нем. *Pein, Tristesse, Weh*). Некоторые лексические единицы реализуются в определенном семантическом окружении. Например, эквивалентные номинации *прискорбие* и *Leidwesen* используются в выражениях «к прискорбию», «с прискорбием» [Кузнецов] и «zu jemandes Leidwesen» [Duden].

Многие адъективные наименования английского языка также употребляются только в составе составного именного сказуемого: *downhearted* (*We're disappointed by these results but we're not downhearted*) [Oxford Advanced Learner's Dictionary], *sore* (*He was still sore because I didn't call him back on Friday night*) [Longman] и др. Некоторые номинации употребляются только в препозиции по отношению к существительному: *bitter* (*His photo stirred up bitter memories*) [Longman].

В английском языке маркированными синтагматической значимостью являются 27 наименований печали (9,6 %), в немецком языке – 13 наименований (4,8 %), в русском языке – 40 наименований (17,7 %).

Частеречные значимости связаны с внешней структурой и категориальными семами наименований, которые характеризуют в частности процессуальные, субстантивные и адъективные смыслы эмоций печали. Структурные характеристики, как правило, рассматриваются при изучении словообразовательных структур наименований. Здесь же представляется достаточным привести количественное соотношение упомянутых смыслов, что составляет соответственно в английском языке 95: 70: 117, в немецком языке 96: 89: 84 и в русском языке 83: 64: 79.

Критерием отбора наименований, которые характеризуются наличием темпоральной, территориальной, стилевой или оценочной языковой значимостью, служат словарные пометы. Соотношение маркированных значимостью и немаркированных единиц составляет пропорцию в русском языке 1:1,9, в немецком языке – 1: 2,6, в английском языке – 1: 3,5. Данные типы значимостей характеризуют большое количество номинаций в русском языке: 120 из 226 единиц (53 %). Значительно меньше эти номинации представлены в английском языке: 81 из 282 единиц (28,7 %). Немецкий язык занимает промежуточное положение: 104 из 269 единиц (38,7 %).

Стилевая значимость превалирует во всех языках сравнения, характеризуя почти все маркированные наименования. В русском языке стилистически маркированными являются 98,3 % наименований от общего числа

маркированных единиц, в английском языке – 91,3 %, а в немецком языке – 78,8 %. В стилистически маркированных номинациях высокий стиль (книжный, литературный) преобладает над низким. В немецком языке он составляет 76,8 % от общего числа стилистически маркированных единиц, в русском языке – 57,6 %, в английском языке – 52,7 %.

Темпоральная значимость определяется привативной оппозицией: малоупотребительные наименования vs общеупотребительные наименования. Малоупотребительные наименования составляют в немецком языке 15,4 % , в русском языке – 5,8 %, в английском языке – всего 2,5 %.

Номинации, маркированные территориальной значимостью, составляют в английском языке 18,5 %, а в немецком языке – 1,9 %. В английском языке отмечено разграничение единиц по принадлежности к британскому и американскому вариантам языка, соотношение единиц которых составляет соответственно 7:8. В немецком языке как территориальный вариант выделяется швейцарский немецкий.

Оценочная значимость включает шуточные (например, англ. *be sick as a parrot*, *lugubrious*; нем. *reumütig*; рус. *постный*, *смотреть сентябрем*), ироничные (нем. *Leichenbittermiene*), фамильярные (нем. *gottserbärmlich*; рус. *хохлиться*, *киснуть*, *минор*, *постный*), грубые (англ. *pissed*, *pissed off*), неодобрительные (нем. *greinen*, *nachjammern*, *Gejammer/Gejammere*), ласкательные наименования (рус. *кручинушка*) и наименования с усиливательной эмотивностью (нем. *tieftraurig*, *todelend*, *todtraurig*, *todunglücklich*; рус. *черная меланхолия*). Данный тип значимости составляет в немецком языке 13,5 %, в русском языке – 13,3 %, в английском языке – 4,9 %.

В четвертой главе «Семантические связи эмотивов печали в структуре полисемантических наименований» проводится анализ содержательных связей в структуре полисемантов.

Включение эмотивов печали в эквивалентные семантические поля определяется сходством их семем. В данной главе объектом рассмотрения служат не *семемы*, которые характеризуют семантическое поле «печаль», а *семантемы*, т.е. семантические структуры, которые определяются связями между полевым значением и другими значениями в семантической структуре полисеманта [Шафиков 2004: 142].

Одним из важных показателей эталонного семантемного поля является степень полисемантической семантем (соотношение числа основных и производных смыслов эквивалентов). Полисемантические номинации английского языка показывают несколько бóльшую степень многозначности по сравнению с немецким и русским языками. По степени убывания полисемантической языки можно расположить следующим образом: английский язык – немецкий язык – русский язык.

Другим характерным показателем служит семантическая аттракция семем, которая определяется числом типичных семантических корреляций (коинциденций) между основным и производными смыслами представленных в языках сравнения эквивалентов. Чем больше количество репрезентантов,

представленных определенным типом коинциденции, тем большей семантической аттракцией она обладает [там же: 144].

Между значениями представленных полисемантов можно выделить как импликационные содержательные связи, т.е. основанные на взаимодействии сущностей объективного мира, так и классификационные, т.е. те, что базируются «на общности сущностей объективного мира по наличным признакам» [Никитин 1988: 37].

Наиболее распространенным случаем импликации является метонимия. Импликационная связь прослеживается, например, в значениях русского слова *печаль* «скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство» и «то, что внушает (внушало) такое чувство, является (являлось) источником, причиной его» [Ушаков] или в значении английской лексемы *grieve* “to feel extremely sad, especially because someone you love has died” и “if something grieves you, it makes you feel very unhappy” [Longman].

Классификационные связи включают в себя *симилятивные связи*, которые устанавливаются на основе общности свойств, и *гипо-гиперонимические связи*, соответствующие отношению более широкого понятия – гиперонима к более узкому понятию – гипониму (*инклюзивная связь*). Традиционно симиляция связывается с метафорой, но не ограничивается ею. В качестве примера симилятивной связи можно привести значения английского слова *kill* “to make a person or animal die” и “to make someone feel extremely tired, unhappy etc.” [Longman].

Вследствие размытости значения эмотивов печали различие между такими типами содержательной связи, как импликация и симиляция, выражается менее четко, чем в других видах номинаций. В языках сравнения выделяются следующие направления ассоциативных отношений: 1) «печаль»: «духовная сфера человека», 2) «печаль»: «сфера физиологической жизнедеятельности человека», 3) «печаль»: «сфера социальной жизни человека», 4) «печаль»: «сфера природы/окружающего мира».

«Печаль»: «духовная сфера человека» включает, например, следующие виды импликационной связи: «печаль»: «начальная фаза печали» (рус. *угрюмиться, унывать*), «печаль»: «каузация печали» (рус. *горестный, грустный, меланхолический, невеселый, печальный, скорбный, тоскливый, унылый*; англ. *bitter, melancholy, miserable, sad*; нем. *melancholisch, traurig, tostlos*) и такие виды симилятивной связи, как «печаль вследствие смерти»: «печаль вследствие утраты» (рус. *оплакать*, англ. *mourn*; нем. *nachtrauern*); «печаль»: «гнев» (англ. *blackness, frustration*; нем. *Verdrießlichkeit*); «печаль»: «безнадежность» (рус. *угрюмый*; англ. *dark, bleak, gloomy, forlorn*).

«Печаль»: «сфера физиологической жизнедеятельности человека» включает различные виды импликационной связи: «печаль»: «вздохи» (рус. *вздыхать*; англ. *sigh*); «печаль»: «выражение печали» (рус. *грустный, мрачный, убитый, хмурый*; англ. *aggrieved, worried*; нем. *schwermitig, trübsinnig, wehmütig*) и виды симилятивной связи: «выражение печали»: «выражение недовольства» (рус. *оханье*, нем. *Klage*), «печаль»: «заболевание/недомогание» (рус. *расстройство*;

англ. *upset*); «каузация печали»: «причинение физической боли» (англ. *painful*; нем. *schmerzhaft*).

«Печаль»: «сфера социальной жизни человека» включает, например, такие виды импликационной связи, как «печаль»: «неуспех» (рус. *расстроиться*; англ. *be in the doldrums, come unglued, languish, miss*); «печаль»: «грустное произведение (стихотворение/музыка)» (нем. *Elegie, Lamento, Totenklage*), «печаль»: «похороны» (рус. *панихидный, похоронный, траурный*) и различные виды симилятивной связи: «каузация печали»: «убийство» (англ. *kill*); «печаль»: «нужда» (англ. *distress, misery*; нем. *Bedrängung, Elend*), «печаль»: «крах планов/надежд» (рус. *плачевный, расстроенный*; англ. *frustrated*).

«Печаль»: «сфера природы/окружающего мира» также представлена импликационными видами связи: «печаль»: «опасность» (рус. *тяжелый*; англ. *black, dark, serious*; нем. *Düster, Düsterteit, düster*), и симилятивными видами связи: «каузация печали»: «давление» (англ. *crush, depress*; нем. *bedrängen, drücken, niederdrücken*), «печаль»: «пустота» (рус. *потерянность*; англ. *emptiness, loneliness*), «печаль»: «тяжесть» (рус. *тяжелый, удрученный*; англ. *heavy*; нем. *schwer*).

Наибольшим количеством видов связи характеризуется тип «печаль»: «духовная сфера человека» (33 %), указывая на взаимосвязь различных видов эмоций.

Среди коинцидентных содержательных связей выделяются *универсальные модели (универсалии)*, совпадающие во всех трех языках, *фреквентальные модели (фреквенталии)*, охватывающие два языка. Если содержательные связи представлены лишь в одном языке, то можно говорить об *уникальной модели (уникалии)*. Анализ содержательных связей показывает, что коинцидентные модели составляют 34,8 % от общего числа содержательных связей, при этом наибольшей аттракцией обладают универсальные модели «печаль»: «сожаление» (англ. *be sorry, regret, poignancy, regret, sorry, woeful*; нем. *barmen, bedauern, Bedauern, Jammer, traurig*; рус. *горевать, жалеть, печальность, сожаление, грустный, печальный*) и «печаль»: «тьма» (англ. *cloud over, darken, blackness, gloom, black, dark, sombre*; нем. *bewölken, trüben, Duster, Düsterteit, Trübe, düster, trübe/trüb*; рус. *мрачнеть, угрюмь, пасмурность, мрачный, сумеречный, темный*), представленные во всех категориальных смыслах. Каждый язык имеет свой набор уникальных ассоциативных моделей, однако межъязыковое варьирование незначительно. По числу уникалий английский язык характеризуется как язык с наиболее специфичной концептуальной моделью мира.

Определенные виды содержательных связей встречаются в разных частях речи: например, «печаль»: «каузация печали» (англ. *grieve, sorrow*; нем. *bekümmern, Traurigkeit, trostlos*; рус. *горе, скорбный*); «печаль»: «траурная одежда» (англ. *be in mourning, mourning*; нем. *trauern, Trauer*; рус. *траур*); «печаль»: «гнев» (англ. *be in a mood, moodiness, het up*; нем. *Verdrießlichkeit, verdrießlich*); «печаль»: «разочарование» (англ. *bewail, dejected, dejection*); «печаль»: «скука» (англ. *drear/dreary*; рус. *соскучиться, тоска*); «печаль»: «физическая боль» (англ. *smart, distress, sore*; нем. *Schmerz, weh*); «каузация

печали»: «разрушение» (англ. *devastate, devastating*; рус. *сокрушить, сокрушение*) и др.

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования, а также намечаются перспективы дальнейшего изучения эмотивной лексики. Результаты работы позволяют определить эмотивы печали в качестве культурно-обусловленных концептов, на что указывают различия в актуализации и распределении выделенных семем в языках сравнения. Имеющееся межъязыковое сходство проявляется в характере содержательных связей в структуре полисемантических наименований.

В **приложении** приводятся результаты анализа языковых значимостей в языках сравнения в виде таблиц.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:

1. Сафина Э.Ф. Проблемы идентификации эмотивов (на примере семантического поля «печаль» в английском языке) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». Выпуск 58. № 25 (240) 2011. – С. 143-147.

2. Сафина Э.Ф. Семантика предикатов печали в английском языке // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 4. С. 1241- 1244.

3. Сафина Э.Ф., Фатхутдинова А.И. Языковой фактор в этнической социализации молодежи в полинациональном регионе (по данным этносоциологических исследований в Республике Башкортостан) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 1. – С. 282–287.

4. Сафина Э.Ф. Этноспецифичность эмоциональной картины мира // Система непрерывного педагогического образования: проблемы функционирования языков и литератур в полиэтничном Башкортостане: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной Году Учителя и Республики Башкортостан. Выпуск 10. – Уфа, 2010. – С. 47-50.

5. Сафина Э.Ф. Концепт «печаль» в русской и башкирской языковых картинах мира // Этносы и культуры Урало-Поволжья: История и современность: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2010. – С.178-180.

6. Сафина Э.Ф. Эмоциональные концепты в различных лингвокультурах // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – С. 507.

7. Сафина Э.Ф., Фатхутдинова А.И. Этноязыковая идентичность и языковые ориентиры населения в полинациональном регионе (на примере Республики Башкортостан) // Вестник БИСТ. Серия «Общественные науки». № 3 (7). – Уфа, 2010. С. 31-38.

8. Сафина Э.Ф., Фатхутдинова А.И. Тенденции развития двуязычия в полинациональном регионе (на примере Республики Башкортостан) // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г.Кузеева. – Уфа, 2009. – С. 319-321.